

Рина Церус

ДОШЫРАК

Рина Церус Дошырак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29410736

SelfPub; 2018

Аннотация

Никогда, никогда нормальный человек не станет есть «доширак» и ему подобные сорта лапшевидного фаст-фуда. Никогда, никогда нормальный человек не станет читать «Дошырак» Рины Церус. Что он такое? Сборник омерзительных историй, густо замешанных на сортирно-половых страданиях. Они имеют в составе глутаМАТ натрия и ароМАТизаторы, идентичные натуральным, и абсолютно не содействуют духовному росту и укреплению психического здоровья читателя. Словом, «Дошырак» – это подлинный литературный фаст-фуд со вкусом... ДЕРЬМА. Ни в коем случае не открывайте его! Содержит нецензурную брань.

МАРШРУТКА И «ЧЕРВОНЕЦ»

В то позднее утро я благополучно проснулся один. Всё правильно, ведь неделю назад мы с ней разосрались вдрызг, до осколков; наорали друг дружке всего самого окончательно-бесповоротного, и ближе к ночи она свалила на такси. А я остался при своих яйцах, своих мыслишках и разбитой настольной лампе. Ну и похуй. Не совсем, конечно, похуй, но... похуй.

Вот сейчас наебну чайку, накормлю кота, поразлагаюсь часик в интернетах и выползу в город. Культурная программа на сегодня: «Чирик», ТРЦ «Червонец». Мне нужны новые наушники, новая лампа и новый картон под мою акриловую мазню. Само собой, куплю попутно жратвы и попью пива на фудкорте. Всем хорош «Чирик», вот только построен у чёрта на рогах. Из наших лысых новостроек прямиком туда идёт только одиннадцатый.

Остановка, скамейка, лотки с бытовой дребеденью...

– Ой, молодой человек, вы не могли бы разменять мне тысячу, хорошо бы помельче?

Ничё так дева. Тонконогая, с глазами-вишенками. Не буду обламывать с разменом, ведь у меня, кажется, есть и пятисотка, и помельче.

Я вытягивал из карманов мятые купюры, когда подвалила газель. Битком набитая. Если бы не простенькая манипуляция с кэшем, я втиснулся бы в эту маршрутку и полчаса

спустя стопудово хуярил бы по этажам «Червонца». У меня оставался последний шанс не прощёлкать, но тут прямо передо мной с какой-то наивной наглостью засигала молодая толстуха с пацаном лет шести – и я не смог оттереть их в сторону. Они заняли два последних места в газели. А я остался ждать следующую.

Дева расплатилась одной из моих сотенок, спрятала купленную мелочёвку в пакет и медленно перешла дорогу. От скуки я долго смотрел деве вслед, ни о чём пока не подозревая.

Второй одиннадцатый появился не скоро. Тоже битком, но одно местечко в самом заду для меня всё же нашлось.

Как хреново без наушников. Я давно отвык от звуковой помойки маршруток, от чужой бубнёжки, ебучей рекламы и ебучего ХИТ-FM из водительской магнитолы. Но ничего. Совсем скоро у меня опять будут наушники, и я опять стану неуязвим. Правда, придётся повычистить плей-лист от некоторых особо памятных песенок... Но похуй же. Свалила и свалила, расколотив мне лампу напоследок. Но я-то не мудака, я найду замену получше: и лампе, и... Нет, похуй. Похуй.

Я прикрыл глаза и, как нередко бывало, увидел призрак моей будущей картины. Сегодня вечером, на новом картоне из «Чирика», я материализую этот призрак. Если не буду сильно пьян, конечно. И пошло всё нахуй. НАХУЙ ПОШЛА, я сказал.

Телефон завякал. Какой-то левый номер. Ненавижу левые номера, но этот зачем-то принимаю.

– Алё, привет! Чё делаешь? Это Женя... Ну, Женя!

Заебись. Её подруга. Но отчасти и моя тоже, вместе же учились. Так с ходу нахуй не пошлешь. Понятно, ради чего звонит. Я зачем-то говорю правду: типа, еду на «Чирик» за картоном, а иные вопросы типа не слышу и, не прекращая бубнить что-то про плохую связь, наглухо вырубая телефон. И тут...

И тут нас дико бьёт и швыряет. Визжат тормоза, визжит салон. Я вписываюсь башкой в мужика на соседнем сиденье, а мужик валится в проход. Какие странно-долгие секунды... Но вот наконец открывают дверь и мы начинаем выползать наружу. Охают ушибленные бабы, парень вытирает кровь со лба... Он ехал в кабине и огрѐб сильнее прочих. Но все вроде живы и не при смерти, включая мудака-водилу. Даже стѐкла целы, хоть низ морды у газели всмятку. Стр-растный поцелуй с трамваем.

...Вечер. Сижу в пивняке. Не скажу, что заливаю стресс после ДТП – я ведь толком и не пересрался, если так уж. Просто потянуло меня в этот пивняк возле того перекрёстка, а потом не захотелось уходить.

Хрен с ним, с «Чириком». Завтра съезжу. Поживу ещё денёк без наушников, картона и лампы. Включить, что ли, телефон?

Ого, сколько пропущенных. И все от неё. Во, блядь...

Хоть снова выключай. Похуй. Пусть звонит хоть узвонится.

Тут же звонок. Тут же! Ну, кому это всё надо? Вот нафига?

Но я, пьяный слюнтяй, зачем-то хватаю ёбаную трубку:

– Ал-ло.

– Славка, это ты?! Славка, блядь, ты где?! Ты живой?!!

Славка, не молчи! Ты живой?! Ты в больнице?!!

Хуясе. Её колотит в нехилой истерике, она воеет, как бензопила.

– В какой, блядь, больнице? С какого перепугу?

– Славка, я новости смотрела!!! Ты... Ты же ехал... Мне

Женька сказала...

– Ну, ехал. Ну, с трамваем столкнулись немножко. Да живы все. И я жив.

– С каким трамваем?! Ты что, ёбнутый?! Я про «Чирик»!!! Женька сказала, что ты как раз тогда в «Чирик» ехал...

Пять минут спустя я лезу в новости и вижу всю картину целиком.

«Сегодня, в половине третьего, на первом этаже торгово-развлекательного центра «Червонец» прогремел мощный взрыв».

53 трупа, 120 раненых. В половине третьего... А во сколько была авария на перекрёстке? Уточняю по Женькиному звонку: точняк, за десять минут примерно. А... если бы я уехал на той, предыдущей маршрутке?.. Если бы та глазастая возле ларька не попросила меня – именно меня – разменять

ей купюру?

...«Среди погибших – мать и шестилетний ребёнок». Завтра, когда Сеть наполнится ритуальным воем и свечами на аватарках, когда раскопают страницы Тех Самых Людей, я почти не удивлюсь, увидев среди них ту самую толстуху и того самого пацана, так спешивших попасть в проклятый «Чирик» вместо меня.

Двойное посмертное спасибо. И тебе спасибо, девчонка с купюрой. И тебе, маршруточник, за дебильное превышение скорости на перекрёстке. От нас с ней двоих – спасибо. Кстати, мы с ней опять зачем-то вместе, и какое-то время нам, видимо, будет хорошо.

ДНО РОЖДЕНИЯ

– С днём рождения, сыночка! С совершеннолетием! Вот ты уже и взрослый...

Мама наклонилась ко мне, поцеловала и положила на край тахты большой яркий пакет. В пакете оказалась пижама в клетку, велюровые тапки с надписью «SPORT» и туалетная вода «Старый спайс». Я улыбнулся, как тот парень из рекламы, и поблагодарил маму за чудесные подарки.

– Лапуля, ты не забыл, что сегодня у нас гости? Давай, не залёживайся, пропылесось в комнате и приберись возле компьютера. А то зайти страшно.

Разумеется, мама. Сегодня я буду очень хорошим. Я даже

протру подоконник. А потом помогу тебе накрыть праздничный стол и встретить гостей. Я буду очень хорошим в первый день моей официально-взрослой жизни.

Многие предпочитают справлять свои дни рождения в компании друзей-сверстников, с реками спиртного и всякими там застольными разговорами, часто не очень приличными. Но мой день рождения опять пройдёт в обществе родственников – а при них волей-неволей человек ведёт себя прилично. У нас с мамой очень хорошие родственники, так все говорят. И этих родственников всегда принято приглашать на мой день рождения, чтобы поблагодарить за всё, что они для нас сделали.

У нас замечательные родственники, правда. Они богатые, умные и щедрые. Тётя Инна когда-то очень удачно вышла замуж за Игоря Степановича и уехала в Шаурма-сити. Со временем она и говорить стала как коренная шаурмичка, растягивая букву «а». Дядя Игорь в юности был комсомольским вожаком городского масштаба, а потом быстро и умело переквалифицировался в бизнесмены. Он очень занятой человек, в нашем городе бывает редко, зато тётя Инна здесь часто появляется. Она то и дело привозит моей маме свои поношенные платья и сумочки со сломанными замками, и мама носит это годами, перешивая и ремонтируя.

Тётя Галя живёт в нашем городе вместе с дядей Валерой. У него тут свой магазин автомобильных запчастей. В позапрошлом году они отдали нам свою старую стиральную ма-

шинку и тумбочку, когда обновляли мебель у себя в коттедже. И денег с мамы взяли совсем немного. Ремонт машинки обошёлся дороже. А тумбочку мама обклеила плёнкой под красное дерево – и ни одной царапины теперь не видно.

Тётя Инна всегда очень интересно рассказывает про Шаурма-сити – какие там кафе, магазины, цены. У неё очень хороший вкус, она питается исключительно в дорогих ресторанах, а одевается в бутиках. Мама только глаза круглит, узнавая, сколько тысяч тётя Инна тратит в месяц на одну только косметику.

– Ой, какой дорогой город Шаурма! Это что, там все так живут?

– Ну, что ты, Анечка. Не все, конечно... – говорит тётя Инна и даже удивляется маме: как можно думать, что она живёт так же, как все?

У тёти Инны огромная квартира в хорошем районе, а недавно был ещё дом в ближнем Подшаурмовье. Правда, теперь его продали, чтобы купить домик в Черногории. Туда можно наезжать летом, а в остальное время – сдавать в аренду.

А ещё у нас есть Николай Иванович и Нина Петровна. Я не помню точно, кем они нам приходятся, но тоже родня. Им обоим под семьдесят. Они всегда поздравляют маму и меня со всеми праздниками и часто приходят в гости. Николай Иванович – бывший партийный работник, член КПРФ. Сейчас он состоит в районном совете ветеранов, а на досу-

ге пишет патриотические стихи. Нина Петровна работает в школе. Говорит, что прежние ученики её не забывают – и на глаза у неё при этом всегда наворачиваются слёзы.

Все они дружно жалеют мою маму, потому что она «бьётся, как рыба об лёд», воспитывая меня одна и в нищете. Мой отец ушёл из семьи, когда я был ещё беззубым. Тогда была жива моя бабушка. Мама говорит, что отец сам во всём виноват: не смог поладить с тёщей и другими нашими родственниками, а ведь они всегда желают всем только добра. Тётя Галя – сама душевность, постоянно учит мою маму, на чём сэкономить и как лучше вести хозяйство. Например, она отговорила её завести кота (хотя я очень просил), потому что сама терпеть не может животных в доме. А ещё тётя Галя учит, как правильно меня воспитывать, чтобы я рос хорошим и успешным. Вообще, все родственники очень за меня переживают. Тётю Инну стали беспокоить мои политические взгляды, когда я сдуру их однажды проявил. И, чтобы я поскорей исправился, она отправляет мне ссылки на статьи Дугина, Проханова и Старикова. А тётя Галя говорит, что я зря не смотрю новости по телевизору, и рассказывает мне ужасы про Украину и натовскую базу, которую чуть-чуть не построили в Крыму. Натовская база – это очень страшно, примерно как митинги несогласных в Шаурме. А я настолько наивен, что не понимаю этого.

Дядя Валера любит рассказывать, как он ездит рыбачить на Волгу, и показывает фотографии. У него там старый друг

в рыбнадзоре, поэтому рыба ловится хорошо. Особенно в нерестовую пору. Как-то раз он угостил нас баночкой самосольной чёрной икры – она у них завалилась, к тому же её немножко неправильно приготовили. Но всё равно было вкусно, а тошнило потом совсем чуть-чуть. Представляете, сколько стоят двести грамм осетровой икры в магазине? А нам с мамой досталось даром.

В общем, я не стал залёживаться, сделал зарядочку и быстро убрал в комнате. Потом помог маме с салатами, разложил столовые приборы и переоделся. Обычно я не ношу белые рубашки, но тут вот надел и даже галстук повязал. А мама уложила мокрой расчёской вихры у меня на макушке.

К назначенному часу пришли гости. Мне подарили целый мешок одежды – её носил сын тёти Инны, пока не вырос. Ему только шестнадцать, но он длиннее меня на целую голову и намерен удлинниться дальше. Старички вручили мне конверт с пятьюстами рублями, а дядя Валера – аж целый третий яблофон, которым он пользовался, пока не купил себе шестой.

Все уселись за стол и открыли шампанское. Первый тост, как всегда, был за Николаем Ивановичем. Он достал открытку и торжественно откашлялся:

– Восемнадцать лет – прекрасный возраст! Все дела, свершенья впереди. Ты уже не мальчик-недоросток, по стезе ответственно иди. Будет много трудностей, лишений, но и счастья будет до полна. Главное – не отступать от целей, чтоб

гордилась мама и страна!

Стихотворение было длинное, с напутствиями и поучениями. Наконец Николай Иванович дочитал, вручил мне памятную открытку и мы все сдвинули бокалы.

– Закусывай, закусывай лучше, сыночка, – шепнула мне мама.

Тосты пошли по кругу. Мне желали много хорошего и правильного. А потом всё как-то незаметно перешло на обсуждение моей дальнейшей судьбы.

– У тебя вообще есть какая-нибудь цель в жизни? Ты что себе вообще думаешь, парень?

Я честно отвечал, что цели у меня, в общем, нет, что планы я строить не люблю, а действую по вдохновению.

– Всё с тобой ясно. И как же ты собираешься жить?! Как?! Пластиночки свои крутить? – наседали тётя Инна с дядей Валерой.

– Если в этом году не поступишь, сразу в армию отправят, – процедила сквозь зубы тётя Галя.

– Ой, сейчас в армии так страшно, – прошептала мама. – Как бы можно было что-то сделать, чтобы...

Она с тревожным намёком посмотрела на тётю Галю. Как-никак, у тёти Гали был опыт отмазывания сына от армии: ему нарисовали от руки какой-то печальный диагноз, и военком отстал.

– Анечка, ты же понимаешь, как это сложно... – закатила глаза тётя Галя. – Тут либо деньги нужны, либо связи. Сама

понимаешь. Тебе это просто не вытянуть.

– А и ничего, послужит! – бодро вклинился Николай Иванович. – Хоть мужиком станет. В наше время как было? Если пацан в армию не ходил, его и за человека не считали. Девчонки с такими танцевать стыдились.

– А как же дедовщина?

– Да надо просто голову на плечах иметь! С головой никто нигде не пропадёт! Вон, когда я служил, то...

И Николай Иванович принялся рассказывать, как он браво служил и как начальство его хвалило.

– А вдруг война? В мире-то сейчас беспокойно...

Тут всё плавненько перешло с меня на международную обстановку, санкции, Украину, Сирию и Турцию.

– Я прямо га-аржусь нашим президентом! – заявила тётя Инна. —Ещё совсем недавно была другого мнения, но как он с Крымом-то поступил!

– Взял и откусил, – буркнул я. – Как Гитлер Судетскую область. И теперь весь мир смотрит на Россию как на...

– Что ты такое говоришь?! Ты хоть новости-то смотришь?! Вон что на Украине-то, настоящие фашисты у власти!

– Знаю, наслышан. Они мальчиков распинают. В львовском метро.

– Смех-то у тебя дурной! Что эти бандеры в Одессе вытворяли! Это же ужас какой-то!

– Россия всему миру кулак показала! – прогремел Нико-

лай Иванович. – И правильно! Хватит под Америку прогибаться, слава богу не при алкаше живём!

– Ага. Одной рукой Крым присоединяем, другой – сливаем китайцам Сибирь, – опять не удержался я.

Но мне не дали договорить. На меня смотрели как на дурачка, которому промыла мозг либеральная пропаганда. Я же вообще внушаемый, да и максималист – в силу ничтожности возраста. Фрондёр, блин. В самых заботливых тонах мне вдалбливали мысль, что я должен хоть немножко развиваться, чтобы успешно существовать в социуме. И чтобы заботиться о моей бедной матери, которая выкормила меня одна, в нищете, и при этом бессовестно избаловала. А я только говорю глупости да плюю всем в лицо. Словом, если я не сделаю выводов, то меня не ждёт ничего хорошего.

Бедной маме с большим трудом удалось вернуть беседу в благостно-поздравительное русло. Тут как раз пришла моя очередь сказать что-нибудь с бокалом в руке. Я как бы нечаянно уронил жирный салат на рукав и, таким образом, получил легальный повод избавиться от моего идиотского маскарада. Я сбегал в ванную, снял ненавистный галстук, испачканную рубашку и вернулся к столу в нормальной чёрной футболке. Мне налили бокал и я выдал некую речь...

– Ну, что хочется сказать? Спасибо большое за подарки и за поздравления. Вы на меня так потратились. И совершенно зря. Ношеную одежду можно было отдать в благотворительный фонд, а яблофон продать на запчасти... Николай

Иваныч, я ценю ваш стихотворный дар и ваше боевое прошлое. Вы – очень крутой пример для молодёжи. Всю жизнь провели в борьбе: то с капиталистической угрозой, то с антинародным режимом. И при этом никогда не бедствовали. При советской власти получали сервелаты на спецпаёк, потом пристроились в совет ветеранов. Вы ничего не изобрели, не создали ничего полезного, но вас, тем не менее, уважают и зовут в школы учить детей патриотизму. Это великолепно! Кстати, о школе. Нина Петровна! Ваш портрет висит на доске почётных ветеранов образования. Конечно, ученики вас не забывают. И бывшие коллеги тоже. Я пообщался тут кое с кем из них в Интернете. Они говорят, что вы постоянно стучите на всех директору и кого-то довели до инфаркта... А уж как вы издеваетесь над несчастной школотой... Конечно, вас не забывают! У ваших учеников есть добрая традиция на последний звонок пулять яйцами в ваши окна и закидывать балкон туалетной бумагой. Они потом отчёты на отдельном форуме выкладывают... Утрите слёзы, Нина Петровна. Тётя Инна. Вас с дядей Игорем мне постоянно ставят в пример как людей, умеющих добиваться успеха. Конечно, комсомол был очень богатой организацией, грех было дяде Игорю не подербанить его. Быстренько перековался из комсомольских вождей в «новые русские». Одного не пойму: почему он оплакивает Советский Союз и зачитывается Дугиным? Кстати, вот вы сказали, что купили домик в Черногории. А... почему, простите, не в Крыму? Он же теперь типа

«наш»! А Черногория, к тому же, входит в НАТО. Как вы так не побоялись-то?.. Тётя Галя, я всё прекрасно понимаю. Вы торговка до мозга костей. При Совке фарцевали, а потом поняли, что нищим соцработником быть выгоднее. Старуха Кирпичеева и её квартира... Это был гениальный план – втереться в доверие, а потом вколоть «не тот» препарат... Что, я вас в чём-то обвиняю? Так не надо было этим хвастаться перед моей мамой! Кстати, дядя Валера, мы с мамой едва не отравились вашей чёрной икрой. И, таки да, когда рыба идёт на нерест, рыбалка – уголовно наказуемое браконьерство. Но вам до этого нет дела... Так. Я, кажется, заговорился. А у меня поезд через полтора часа.

– Какой поезд?!

– На Шавермбург.

– Куда-а?!!

– На Шавермбург. Меня там ждут друзья.

– Какие ещё друзья?!

– Адекватные. Мы будем жить на сквоте и питаться просрочкой. Да не закатывайте глаза. От просрочки не умирают.

– И ничего мне не сказал, паразит несчастный!

– Я говорил, мам. Но ты же никогда не воспринимала меня всерьёз. Но теперь всё, я взрослый. У меня появились планы.

– Откуда у него деньги на билет?!

– Я заработал на диджействе вместе с Соней.

– Это с какой ещё Соней? Которая с пирсингом, бритая чуть не наголо?!

– Она самая. Будет встречать меня в Шавермбурге. Кстати, она беременна от меня.

– ЧТО-О?!

– Да шучу, шучу. Соня терпеть не может детей. Как, впрочем, и я. Так что внуков и внучатых племянников вы от меня не дождётесь. Мама, я бы тебя пожалел, но тебя же всё устраивает. Ты привыкла к обноскам, привыкла к постоянным унижениям и больше всего на свете боишься показаться неблагодарной. Наверное, так проще жить, да? Ты меня учила именно этому?

– Так. Хватит разглагольствовать, мальчик. Сейчас я отвезу тебя на вокзал, ты сдашь билет. Мы сделаем вид, что ничего не было. Ты сегодня выпил, тебя понесло...

– Закусывать надо было!

– Нет, тётя Инна. Я уже всё решил. Ещё раз спасибо вам за всё и до свидания.

Я вытащил из-за шторы загодя уложенный рюкзак и, не слушая ни кудахтанья, ни возгласов, ни рыданий, вылетел из квартиры. Все подарки – включая конверт с деньгами – я бросил дома. Больше всего я боялся, что меня настигнут на вокзале и не пустят в поезд. Но всё обошлось.

Поезд тронулся. Я расстелил постель, сменил джинсы на длинные фланелевые шорты, вышел в тамбур и достал там из рюкзака бутылку череповецкого джина. Джин оказался отвратительным пойлом, но я выпил его в одно рыло и даже не сблевал. А два дня спустя я трахал Соню на сквоте и фо-

тклся с ней на знаменитых шавермбургских крышах.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В 2007-Й

Иван Витальевич Раковников стоял на крыше заброшки, у самого края. Сейчас он сделает крохотный шаг, а дальше им займутся силы ускорения и гравитации. Куча битых кирпичей – отличная финальная точка предстоящего полёта. Остаётся ровно один шаг. И этот шаг будет сделан.

Иван Витальевич совершенно познал земную жизнь и понял, чего ждать от людей. Он был в том мудром, зрелом и бесконечно печальном возрасте, когда ложь и безобразие мира обнажаются с максимальной полнотой. Ивану Витальевичу было шестнадцать.

Он отхлебнул вишнёвого блейзера и чуть-чуть отошёл от края крыши. Внизу, среди неопрятных желтеющих кустов, нарисовалась какая-то писклявая компания. У них тоже был вишнёвый блейзер. Они сели на разломанную скамейку, словно стая чёрно-розовых челкастых птиц, и начали кидаться музыкой через ИК-порты.

«Только бы сюда не припёрлись, эмокиды хреновы, – подумал Раковников. – Шли бы нахуй по домам – дровичь на солистку «Токио Хотель» и резать руки поперёк».

«Ориентация север! Я хочу, чтоб ты серил, я хочу, чтоб ты кака-ал!» – раздалось из чьей-то припаркованной машины.

Иван Витальевич скривился, потом ещё глотнул блейзера,

поднял ногу, сделал шаг

НАЗАД

и повалился щуплой жопой на замшелый шифер.

...Дома Ивану Витальевичу выговорили за позднее возвращение и выключенный телефон. Отец хотел отвесить привычный подзатыльник, но Иван Витальевич ловко увернулся и закрылся в своей комнате под предлогом доделывания уроков. Но за уроки он, конечно, так и не взялся, а вместо этого залез на имиджборду и начал пост: «Сап, анончеги. Послушайте мою прохладную историю. Крч, есть одна тьян...»

Но тут экран ноута роковым образом погас. Иван испустил вопль падающего с крыши человека и со слезами побежал к родителям.

– Пап, у меня ноут полетел... Ты не мог бы...

– Не мог бы! Мы с твоей матерью и так уже кредитов набрали! А если тебе нужен компьютер, возьми заработай на него сам. Я в твои годы, например, хлебные фургоны по ночам разгружал...

Иван понял, что в ближайшее время компа ему не видать, и действительно напросился в грузчики при продуктовом магазине. Но накопить на новый комп никак не удавалось, потому что всю нищую получку Иван просаживал в Интернет-кафе на имиджбордах. А потом кто-то добрый посадил Ивана на WOW. Родители вовремя спохватились, засунули его под домашний арест и приставили репетитора, чтобы он

готовил Ивана к ЕГЭ.

Потом Иван поступил в институт чеготоведения на факультет прикладной демагогики. А попутно подрабатывал разнорабочим в фирме, ставившей пластиковые окна. Но скоро ёбнул первый удар мирового кризиса и фирма закрылась. Именно тогда, когда Иван взял свой первый кредит.

Раздавая взятки преподам, Иван кое-как добил институт, устроился в Перспективную Фирму Менеджером-в-галстуке и познакомился на корпоративе с девушкой из соседнего отдела. Девушка вскоре забеременела, пришлось жениться и брать ипотеку.

Когда был сделан последний платёж за свадебный кредит, Иван развёлся. Он платил алименты, чинил машину, пил вечерами череповецкий джин и выкладывал вконтактик фото с корпоративов и шашлыков.

Бывшая жена выкладывала фото с египетских пляжей и постила рецепты салатов. Лучший друг постил чужие мысли про политику и коллажи с голыми девками.

У Ивана появилась лысина и небольшое фастфудное пузо. Кризис додушил Перспективную Фирму – пришлось продать машину и перейти в менее перспективную. Бензин дорожал, продукты тоже. Политики призывали затянуть пояса и боролись с коррупцией, отчего коррупции становилось только больше. Над миром проносились кровавые катастрофы, скандалы государственных масштабов и локальные войны.

Иван смотрел ночами порнушку, пытался заигрывать с новенькой бухгалтершей, экономил на сигаретах и платил алименты. У бывшей жены родился второй ребёнок от третьего сожителя. Падал снег, ветшала мебель, старели родители. Ничего не происходило, если не считать мелких гадостей, нагоняев от начальства, редких премий и попоек. Выйдя из возраста, когда понимают всё на свете, переросши период, когда начинают о чём-то догадываться, Раковников вступил в такую пору, когда человек ни о чём не знает и из Ивана Витальевича превращается в Ваньку-дурака. Одно было точно известно: он, Ваня Раковников, никогда в жизни не сделает ничего путного, интересного или хотя бы просто забавного. И если он завтра попадёт под машину или упьётся насмерть череповецким джином, шеф просто разместит объявление в разделе «Требуется менеджер». А лучший друг так и будет постить голых баб и чужие мысли про политику. Впрочем, его ситуация несколько не лучше. Но он хотя бы расплатился за «форд-фикус».

Жалеть о чём-то было поздно. И лишь иногда, в пьяном сумраке, где-то внутри головы Раковникова всхлипывал тоненький голосок и под забытый мотивчик скулил: «Верни-и мне мо-ой две тысячи седьмо-ой...». В том прекрасном году всё было так ослепительно ясно, ложь и безобразие мира зияли с максимальной полнотой, и Раковников – один на один с этим миром, как истинный камикадзе – стоял на замшелой крыше заброшки, готовясь мужественно погибнуть, стать ге-

роем и остаться в сердцах. Если бы вернуть тот самый день и сделать тот самый шаг!

Сидя за столом, заваленным окурками, бутылками и обёртками из-под фаст-фуда, Иван уронил голову на руки и свалился на пол.

...Под Иваном захрустело что-то твёрдое и ломкое. Он открыл глаза и увидел, что валяется на битом шифере. Рядом с ним стоит недопитая бутылка вишнёвого блейзера, а где-то далеко внизу из чьей-то сраной мобилки завывает Билл Каулитц. Иван протёр глаза, допил блейзер, подошёл к самому краю крыши и сделал уверенный шаг ВПЕРЁД.

ЗЕЛЁНЫЙ СЛОНИК, ВЕСЁЛЫЙ ГОЛОВАСТИК

– Да насрать и растереть, – сказал Козява. – Подумаешь, отчислили. Во-первых, могут ещё восстановить, а во-вторых, так ли уж нужен тебе сраный недовуз? Я вон живу без диплома, и мне хорошо.

– Так в армию же загребут...

– А ты никому дверь не открывай, кроме матери. И никаких бумажек из почтового ящика не доставай. Коси, пока косится. А хочешь, я тебе хуй оторву или глаз выбью? Сразу станешь негодным, не надо будет от военкома бегать.

– Нет, Козява. Спасибо тебе, конечно, но я как-нибудь сам выкручусь – и с глазом, и с хуем.

– Ну, как хочешь. Моё дело предложить. А так-то, зачем

тебе два глаза? В монитор и одним втыкать можно. И зачем тебе хуй? Ебать-то всё равно некого.

– Ну да. А фапать чем?! Чем фапать-то, Козява?

На самом деле вы не подумайте лишнего – мы с Козявой большие кореша. Лучшие кореша на свете. Козяву во мне привлекает моя эрудиция, а меня в Козяве – его охуительная смелость и выдумки. Мы вдвоём на многое способны.

Но обычно мы просто весело и безобидно убиваем время. Сидим в моей сычевальне и разыгрываем сценки из «Зелёного слоника». Правда, сначала всегда немножко срёмся за то, кому изображать Пахома, а кому – Епифанцева. С одной стороны, Козява способен по-настоящему насрать в тарелку и попрыгать с говном на голове, но зато я лучше Козявы помню все пахомские фразы. А у Епифанцева что за роль? Рёв один. Впрочем, срись не срись, а Пахомом почти всегда бывает Козява.

Конечно, нам здорово не хватает Капитана и Яполковника, поэтому Капитаном у нас бывает подушка от дивана, а Яполковником – плюшевый медведик моей сестры. Сестре медведик давно не нужен: в прошлом году она получила двойку по английскому и насмерть наелась таблеток, пока никого не было дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.